

Денис
Драгунский

Денис
Драгунский

Третье
ЛИЦО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д72

Художник — Ирина Драгунская

Драгунский, Денис Викторович.

Д72 Третье лицо : [рассказы, повести] / Денис Драгунский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 411, [5] с. — (Проза Дениса Драгунского).

ISBN 978-5-17-133809-1

«Третье лицо» – еще одна коллекция парадоксальных сюжетов от мастера короткой прозы Дениса Драгунского. В начале рассказа невозможно предугадать, что случится дальше и каков будет финал. Посторонний вмешивается в отношения двоих, в научных и финансовых делах всплывает романтический след, хорошие люди из лучших побуждений совершают ужасные поступки... Всё как в жизни, которая после прочтения этой умной и насмешливой книги покажется легче, интереснее и яснее.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-133809-1

© Драгунский Д.В.
© ООО «Издательство АСТ»

рыцарский роман
ТЕПЕРЬ УЖЕ НЕВАЖНО

Евгений Сергеевич вдруг узнал, что о нем прошел слух как о порядочном человеке. Хотя на самом деле он был, конечно, сволочью. Но не каким-то особым подлецом и гадом, чтоб людей жрал заживо и без соли. Нет, конечно. Он был обыкновенной руководящей сволочью среднего звена, которые встречаются и в администрациях разного рода, и в бизнесе, и в искусстве, и, конечно, в науке — где он и подвизался. Нескольких сломанных научных судеб, десятки зарубленных проектов, сотни шлагбаумов на пути молодых карьер, а уж срезанных зарплат и заваленных диссертаций — вообще без счета. Евгений Сергеевич все это о себе прекрасно знал, и тем забавнее было ему услышать от своей секретарши Марго Степановны, что вот, дескать, некая полуиностранный дама — русская, но живет на Западе — в каком-то бурном споре назвала его не только блестящим специалистом, но и глубоко порядочным, благородным человеком. Настоящим рыцарем.

— Кто это, Маргоша? — спросил он, поморщившись.

Денис Драгунский

— Смешная фамилия, — ответила та. — Что-то про уши. Забыла.

Марго Степановне было уже шестьдесят два года, но Евгений Сергеевич не гнал ее на пенсию, потому что она знала всё-всё-всё. И всех-всех-всех.

— Алоиз подкрался незаметно... — хмыкнул он. — Ничего! У меня та же петрушка. Полминуты не мог вспомнить, как отчество у Павлодарского.

— Перестань! — Она взмахнула рукой. — Сейчас. Что-то такое... То ли Лопухова, то ли Вислоухина.

— Хе! И на лице вселенская скорбь, как у бассета, который конфету клянит? И ноги такие же?

— Какие? — рассеянно спросила Марго Степановна, не отрывая глаз от компьютера и продолжая щелкать мышью.

— Как у бассета, — объяснил он.

— Нет! — сказала она, подняв на него глаза в тонких очках на толстом носу. — Совсем нет. Очень даже из себя ой.

— Угу, — кивнул Евгений Сергеевич, прошел в свой кабинет, сел за стол, открыл почту и вдруг вспомнил.

* * *

Он вспомнил, как несколько или чуть больше лет назад он, недавно назначенный главным редактором главного профильного журнала, выходил после конференции на теплую и нарядную июньскую улицу. Выходил из гостиницы — организаторы сняли конференц-зал аж в «Мариотте» на Тверской.

Уже на крыльце, в маленьком портике, мощенном рубленой гранитной плиткой, к нему вдруг подошла незнакомая молодая женщина. Не просто подошла, а заступила ему дорогу.

— Здравствуйте, Евгений Сергеевич! — то ли очень вежливо, то ли, наоборот, слишком просто сказала она.

Он не смог сразу понять, что это — робость или напор. Поэтому буркнул:

— Добрый день. Чем могу?

— Я вас поздравляю, вы ведь теперь наш главный редактор! — сказала она, улыбаясь крупным, чуть подкрашенным ртом, полным белых, матово-блестящих зубов. — А я когда-то ходила к вам на лекции. И на семинаре вы мне пятерку поставили.

— Очень приятно. Простите, позабыл. С кем имею честь?

— Лена Востроухова. Я теперь соискательница у Анциферова.

— Остроухова? — переспросил Евгений Сергеевич.

— Во! — поправила она. — *Востроухова*. «Держи ухо остро!»

— Серьезное начало! — совершенно серьезно сказал он, внутренне усмехнулся и быстро оглядел ее с головы до ног.

Она была очень хороша. Большеглазая, с красивым носом, высокими бровями. Крупная, коротко стриженная. Волосы черные-черные — наверное, крашеная. Потому что совсем белотелая: был теплый июнь, и она была в недлинном темно-фиолетовом платье без рукавов, но в неизменных колготках и лаковых туфлях. Размер, наверное, тридцать девятый, но ведь и рост метр семьдесят пять самое маленькое. Ноги были сильные, стройные, круглые и тоже матово-блестящие, прямо как зубы. Евгений Сергеевич внутренне поежился: какая ловкая. Одета безупречно формально, но выглядит до неприличия соблазнительно.

— Я хотела с вами поговорить, — сказала она.

Денис Драгунский

— Я вас слушаю, — вздохнул он.

— Вы к метро?

— Я к метро.

Она рассказала, что занимается Швецией. Конкретно — политическими партиями. Пересказала свою диссертацию. Видно было, что интересуется, неглупая и, наверное, прилежная. Говорит складно. Вероятно, и пишет неплохо. Тем временем дошли до «Пушкинской».

— Ну, успехов, — сказал он.

Они остановились у самой лестницы, которая вела вниз.

— Евгений Сергеевич, — заговорила она, глядя ему прямо в глаза, — возьмите меня в соавторы. Пожалуйста! Я хорошо работаю. Правда. Вы не пожалеете!

И она чуть шевельнула пальцем, как будто желая прикоснуться к пуговице его пиджака, но тут же отдернула руку, сжала кулак и опустила взгляд.

* * *

Вот тут он все понял.

Он понял, что это Анциферов копает.

В прошлом году Евгений Сергеевич зарубил членкорство Грибоварову, над которым Анциферов уже пять лет держит руки домиком. И вот теперь — такая изощренная месть. Вернее, месть простая и эффективная. «Мы не будем интриговать, чтоб тебя уволили, не будем рубить твоих аспирантов-докторантов, это мелко и глупо! — Евгений Сергеевич словно бы залез в голову Анциферова и слышал его мысли. — Ты трахнешь мою соискательницу за публикацию статьи в своем журнале. Даже не трахнешь, а просто полезешь обнимать-целовать. Этого хватит. А мы тебя выполощем в дерь-

ме на всю страну и на зарубеж тоже. Смотри, какая девочка! Ну, вперед! Пиль!»

— Хорошо, — сказал Евгений Сергеевич. — Давайте отбросим всю странность ситуации и рассмотрим дело по существу. Вы специалист по шведской политике, а я — по итальянской, испанской и отчасти греческой. По средиземноморской. Так? Так. Вы по своим интересам, можно сказать, северянка, а я — южанин. «О, Север есть Север, а Юг есть Юг, и вместе им не сойтись». Вот такой, извините, Киплинг.

— Но вы же вели семинары по общим проблемам политологии! — Она не отставала.

— Нет, нет, нет. — Он оперся рукой о парапет подземного перехода. — Что я могу об этом написать?

— Я уже все написала, — сказала она.

— Господи! — Он отнял руку от полированного гранита, отряхнул ладонь. Получилось демонстративно брезгливо. — Вы что? Чтоб я подписал чужую работу? И напечатал ее в своем журнале? Вам что, к защите срочно нужна публикация?

Она молча кивнула.

— Хорошо, — согласился он. — Покажите мне вашу статью. Я подумаю. Пришлите на мой мейл. — И протянул ей визитку.

— Я лучше ее привезу в бумаге, — сказала она, глядя ему в глаза. — Домой. Можно?

— Отчего ж нельзя? — сказал он.

* * *

Ему было даже весело.

За минуту до ее прихода он приспособил свой айфон на книжной полке и включил видеозапись.

Она была одета все в том же убийственном стиле: так строго, что ни к чему не придерешься, но любой мужик с ума бы сошел.

Евгений Сергеевич поставил на журнальный столик кофе и конфеты.

Она протянула ему распечатанную статью.

— Я прямо сразу прочитаю, — сказал он.

Она сидела на стуле и чинно пила кофе маленькими глоточками. От конфет отказалась. У нее был потрясающе красивый рот. Шея, впрочем, тоже. Руки — обалдеть; ах, эти бы руки да сплелись у меня за спиной...

— Ну что ж! — кивнул Евгений Сергеевич, переворачивая последнюю, двенадцатую страницу. — Что тут скажешь... Если не трудно, подайте мне ручку, вон, видите, на столе.

Она встала, прошла к столу. Он полюбовался ее фигурой сзади. Взял у нее авторучку, написал на первой странице: «Алла Николаевна! В ред. подг.! Для № 4». Поставил дату и расписался.

— Держите, — сказал он. — Берем. Но выйдет не раньше октября. Отвезите в редакцию, отдайте Артемьевой Алле. Кофе допили? Нет? Давайте, доглатывайте. Конфетку на дорожку, а? У меня еще масса дел, простите, я бы с удовольствием с вами побеседовал, но увы.

Он встал со стула.

— Спасибо. — Она протянула ему руку.

— Спасибо, говорите? Да не за что. Вам спасибо! Нам нужны хорошие статьи. Мы рады новому автору. Успехов!

Он покосился в айфон, который стоял ну прямо на показ на полке.

Кажется, она ничего не заметила.

Он сохранил видео на Яндекс.Диске и представил себе рожу Анциферова. Хотел ему послать ссылочку, но решил погодить.

В октябре, когда вышел журнал, Лена Востроухова позвонила и сказала, что хочет прийти и поблагодарить его.

— Букет принесете? — фыркнул он. — Или коньяк? Не валяйте дурака.

Потом она пригласила его на защиту.

Он, разумеется, не пришел.

* * *

— Вот ведь дура! — засмеялся Евгений Сергеевич, сидя за столом в своем кабинете.

Захотел позвонить Анциферову, сказать: «Давай вместе посмеемся!» — но вспомнил, что тот умер два года назад. Да если бы был бы жив, то не вспомнил бы, наверное. Кстати, Грибоваров так и не прошел в членкоры, и это, по большому счету, правильно.

* * *

А потом он встретил ее в Швеции, в Упсале. Опять на конференции.

— О! — сказал он. — «Ухо остро!» Госпожа Востроухова, если я не ошибаюсь?

— Востроухова-Линдеман, — ответила она.

— Вышли замуж в Швецию?

— Как видите, Евгений Сергеевич.

— Ну и как жизнь?

Они присели за столик; разговор шел на кофеварке.

Денис Драгунский

— Нормально, — сказала она. — Муж — программист. Двое детей. Я доцент на кафедре политической теории.

— Прекрасно. — Евгений Сергеевич прижал руку к сердцу. — Как я за вас рад! Мне тогда так понравилась ваша статья!

— Правда? — обрадовалась она.

— Не совсем, — вдруг усмехнулся он. — Находясь за границей, позволю себе быть честным. Статья неплохая, публикательная, но я взял ее не поэтому. Вы же знаете почему.

— Почему? — спросила она.

— Потому что эта вражина Анциферов решил через вас меня спровоцировать. На харассмент, или как это. Чтоб потом меня вывалить в дерьме перед всем миром. Впрочем, Анциферов, царствие небесное, имел право мне мстить. Я ему в свое время сильно жизнь попортил. Но вы, такая умная и красивая... Зачем вы на это согласились?

— Я думала, что вы благородный рыцарь, — сказала она после некоторой паузы. — А вы оказались какой-то странный параноик. Господи, как печально. Но теперь уже неважно. Я все равно вас не разлюблю, вы не думайте.

— Что? — воскликнул Евгений Сергеевич и вскочил со стула, опрокинув картонный стаканчик кофе со сливками; все полилось по столу прямо на нее; она отодвинула свои прекрасные ноги, и бежевая струйка потекла на пол.

— Да так, ничего, — вздохнула Лена Востроухова-Линдеман, подняв на него свои черные глаза, улыбнувшись и показав матово-белые зубы. — Знайте же, мой дорогой, что я полюбила вас еще на третьем курсе и люблю до сих пор.

Теперь уже неважно

— Какая же ты дура! — закричал он.

Так громко, что проходивший мимо уборщик-пакистанец вздрогнул и обернулся, увидел пролитый кофе, подбежал к ним и стал вытирать лужу экологической веревочной шваброй.

*пятнадцать километров
в сторону от шоссе*

ЗВЕРИ

Тамара и Никита поехали раздавать гуманитарную помощь беженцам. Помощь была расфасована в одинаковые картонные коробки. Коробок было пятьдесят шесть, точно по числу беженцев, которых временно поселили в бывшем пионерлагере «Валентина», сто километров от Москвы. Тогда эти лагеря еще не снесли и не понастроили на их месте коттеджных поселков или просто вилл для богатых. Был, кажется, девяностый год. Апрель. Воскресенье. Одиннадцать часов.

Тамара была штатной сотрудницей российско-немецкого фонда «Гуманус», а Никита — членом общественного совета. Тамара была за рулем. Она быстро и ловко вела небольшой фургончик, иногда поглядывая на бумажную, вытертую на сгибах карту — никаких навигаторов тогда еще не было. Никита сидел рядом, глядел на поля, уже совсем обтаявшие, покрытые нежно-коричневой прошлогодней стерней. Было скучно. Он зевал и переводил взгляд на Тамару: ей, наверное, было под тридцать или чуть больше, но все равно моложе него — ему-то было без двух месяцев сорок. Она была в жилете со множеством карма-

нов, в туговатой юбке камуфляжной расцветки, в тяжелых ботинках и шерстяных носках, скатанных книзу. Ноги были голые, потому что было не холодно, даже почти тепло.

Съехали с большого шоссе на узкую асфальтовую дорогу.

— Еще пятнадцать верст, — сказала Тамара.

— Значит, полчаса?

— Примерно... — кивнула она и добавила: — Их специально в чертовой жопе селят, до электрички четыре часа пешком пилить, а автобус давно не ходит.

— Специально?

— Ну да. *Чтоб не распозлись.*

Никита внутренне поежился, услышав такое презрительное к людям слово, но виду не подал, лишь спросил, как же они поступают, если что-то вдруг случится.

— Есть машина у начальника лагеря. Скорую можно по рации вызвать. Пожарных и ментов. И полевая кухня приезжает каждый день. Так что не кисни, Никита Николаевич. Все гуманно, высший сорт! Ничего, что я на «ты»?

То есть она поняла, что он тайком возмутился. Какая чуткая, страшное дело.

Ответил:

— Да, конечно, давай на «ты».

Приехали.

* * *

Там было два дощатых спальных корпуса и что-то вроде клуба со столовой. Тамара поставила машину около крыльца. Посигналила.